

Михаил Шапиро. Имя этого художника хорошо знакомо монреальцам - любителям живописи. Его картины, выполненные в мягкой лиричной манере, никого не оставляют равнодушными. Самым удивительным периодом своего творчества Михаил считает 70-е и 80-е годы. Тогда в Москве он написал серию портретов выдающихся ученых-физиков, среди них шесть портретов Нобелевских лауреатов. Он запечатлел также выдающуюся балерину Майю Плисецкую, знаменитую фигуристку Ирину Роднину, ему позировал прославленный хоккеист Александр Якушев. Нашу беседу мы так и назвали:

"Портреты-встречи"

Тамм

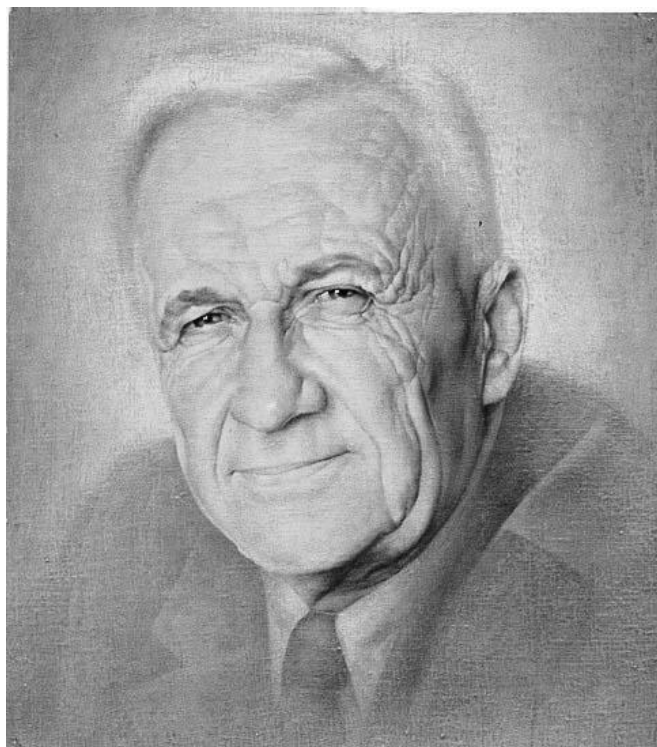
Все началось с портрета Игоря Евгеньевича Тамма. В 1978 году мой добрый знакомый, физик Леонид Михеев, предложил и помог устроить выставку моих работ в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР.

Затем эту выставку перевезли в Институт физических проблем им. С. И. Вавилова, имеющий давнюю традицию художественных выставок. В 1981 году была также моя персональная выставка в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Благодаря этим выставкам у меня появилось много знакомых в среде ученых-физиков.

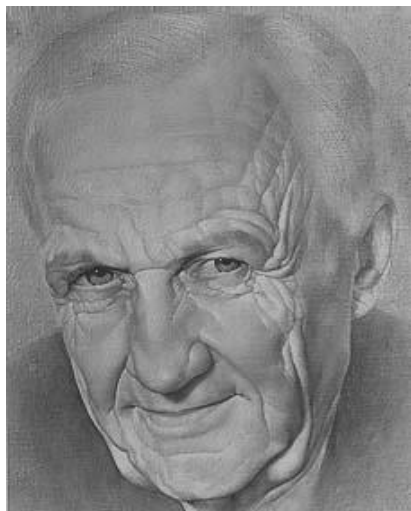
Мои работы понравились, и кому-то пришла идея написать портрет Игоря Евгеньевича Тамма. Его уже

не было в живых, но добрая память о нем жила. Тамм был удивительный человек. Блестящий ученый, он был очень честным, порядочным человеком. Его называли "совестью Академии Наук".

И вот я стал встречаться с людьми, которые работали с ним бок о бок долгие годы. Стал читать воспоминания о нем, просмотрел множество фотографий. И, наконец, мне показали фильм, который физики шутя прозвали "Один Тамм", подобно тому, как в свое время ученые-физики ввели своеобразный эталон честности и порядочности в науке - "Один Бор", в честь выдающего датского ученого, одного из основоположников ядерной физики Нильса Бора. Я понял, что задача стоит передо мной исключительно сложная, очень волновался. С одной стороны - величина, академик, Нобелевский лауреат... С другой стороны, мне хотелось показать простого, удивительной души человека. Я работал как одержимый, с каким-то трепетом. Передо мной вставал живой человек. И все же вначале он получился немного официальным. Когда портрет был почти готов, я решил принести его на обсуждение в институт. Помню, это было зимой, все стояли в верхней одежде. О чем-то говорили, шутили. К нам подошли руководитель отдела академик

Виталий Лазаревич Гинзбург, а с ним Андрей Дмитриевич Сахаров. Для меня это было неожиданностью. Я знал, что Тамм был учителем Сахарова и долгие годы они работали вместе. Оказывается, физики специально попросили меня прийти во вторник, так как именно по вторникам Сахаров работал в институте. К сожалению, это был период, когда Сахарова уже всюду травлили, накануне его ссылки, и он приходил в институт только один день в неделю. Нас познакомили. Помню его очень доброжелательный, но немного застенчивый взгляд. Поставили портрет, и Андрей Дмитриевич стал в него всматриваться. Я сразу понял, что моя работа ему понравилась. Минут пятнадцать, двадцать мы поговорили, и Андрей Дмитриевич высказал несколько пожеланий. Говорил он очень тихо, скромно, стеснительно. Это меня очень поразило.

Он попросил сделать Игоря Евгеньевича чуть помягче - это я интуитивно чувствовал и сам. Он у меня действительно получился немного суровым и официальным. Позднее, когда я подправил портрет, учитывая замечания Сахарова, в первую очередь исправил линию губ, - портрет потеплел. Через некоторое время я принес уже окончательный вариант, всем он единодушно понравился. Так я первый раз написал Нобелевского лауреата. Чуть позднее по просьбе Евгения Тамма, сына академика, я написал еще один портрет отца для него. Я много раз встречался с ним. Он, как и отец, стал физиком, а еще он был известным альпинистом. В те дни Женя был одержим планами восхождения на Эверест. Помню, на столе лежали карты, фотографии. Евгений с большим воодушевлением строил планы первого восхождения советской команды. Сейчас сам себе удивляюсь, что тогда у меня ни на минуту не возникло желания напроситься в качестве художника. Хотя понимаю, что в те времена это было нереально, да и не было

соответствующей альпинистской подготовки.

Официальная справка

Тамм Игорь Евгеньевич (1895-1971) - физик-теоретик, основатель научной школы, академик АН СССР с 1953 года, Герой Соц. Труда с 1953г. Нобелевская премия (1958), Государственные премии (1946, 1953). Работал в области ядерной физики, труды по теории излучений, физике твердого тела, физике элементарных частиц, управляемого термоядерного синтеза.

Сахаров

Портрет И. Е. Тамма повесили в конференц-зале института, и физики обратились ко мне с просьбой написать портрет Андрея Дмитриевича Сахарова ко дню его рождения 21 мая. Это совпадало и с моим желанием. Я с большим почтением относился к Андрею Дмитриевичу, с грустью наблюдал всю ту травлю, которая обрушилась на этого замечательного человека и ученого. Увы, работу начать мне не пришлось. Андрея Дмитриевича выслали в Горький. Вернуться к этому портрету мне удалось лишь в 1986 году, после его возвращения из ссылки. Сахаров был очень занят, все свои силы он направил на борьбу за свободу политических заключенных. Конечно, у него совсем не было времени, чтобы специально позировать. Поэтому меня стали допускать на заседания Ученого совета в Институте им. П. Н. Лебедева, который возглавлял и вел Андрей Дмитриевич. Я старался сесть поближе, но так, чтобы он меня не замечал и я ему не мешал. Слушал, наблюдал, делал наброски. Конечно, я ничего не понимал в этих обсуждениях. Андрей Дмитриевич был удивительно скромный, даже застенчивый. Он часто краснел, как юноша. Говорил тихо.

Однако, чувствовалась в нем удивительная крепость, сила. Часто обсуждения были бурными, эмоциональными. Когда начинал говорить Андрей Дмитриевич, все уважительно затихали. Чувствовалось, что говорит по существу. У меня почему-то возникла идея написать нестандартный портрет - немного аллегоричный. Про себя я его назвал "Из тьмы - к свету". Не знаю, почему возникла эта идея. Может, из-за моего преклонения перед ним, как перед человеком, ученым, борцом. Работал я быстро, увлеченно, через месяц портрет был готов, и я принес его в тот же конференц-зал, где висел мой портрет Тамма. Собралось много физиков. Ждали Сахарова. Он подошел к портрету, минут пять молча постоял около него, а потом тихо, как-то растягивая слова, сказал: "Мне нравится этот портрет". Я сразу обрадовался. Но Сахаров

сказал, что хочет показать портрет жене. Помню, мы взяли портрет под мышку, чем-то прикрыли и дворами, гурьбой пошли к маленькому "Москвичу", в котором сидела Елена Георгиевна Боннер.

Нас познакомили... Они уехали, и несколько дней длилось молчание... Я уже чувствовал, что портрет не понравился. Через три дня я позвонил. Андрей Дмитриевич извинился, сказал, что Елена Георгиевна портрет не приняла.

Ей не понравилось такое решение, ей хотелось, чтобы я изобразил Андрея Дмитриевича подобно Тамму. Конечно, я был огорчен. Мои, друзья меня успокаивали тем, что портрет понравился самому Сахарову. Этот портрет потом выставлялся на нескольких выставках, в частности, я показывал его у известного ленинградского коллекционера Феликса Чудновского. Это всемирно известная коллекция, в основном, полотна 20-х и 30-х годов. Отец и сын Чудновские оба были физиками и большими знатоками живописи. В 1989 году, портрет Сахарова и еще несколько моих работ приобрели для небольшой галереи в Нью-Йорке. И уже на первой выставке его украли. Где он, что с ним, я не знаю и по сей день. Эту встречу с Андреем Дмитриевичем я вспоминаю всегда с большим

теплом. Рад, что судьба свела меня с таким человеком. С болью я наблюдал за всеми перипетиями первых российских съездов, видел, как грубо обрывали Сахарова. Очень сожалею, что он безвременно ушел из жизни.

Официальная справка

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921-1989) - физик и общественный деятель. Академик АН СССР с 1953 года. Трижды герой Соц. Труда. Государственная премия (1953). Труды по теории фундаментальных частиц, теории термоядерного синтеза, газовой динамике, космологии. Его называли "отцом русской водородной бомбы". Нобелевская премия мира (1987).

Франк

Летом 1978 года меня пригласили в Дубну. Это было царство академика Ильи Михайловича Франка. Я приехал туда по просьбе его сына Александра, тоже физика. Илье Михайловичу исполнилось 70 лет, и Саша хотел сделать отцу подарок. Я жил в прекрасной гостинице, и Илья Михайлович приходил ко мне позировать. Я не люблю за работой разговаривать, и мое молчание, наверное, тоже пришлось ему по душе - он расслаблялся, о чем-то думал. Обычно сеанс длился чуть больше часа. Таких сеансов было шесть или семь. Часто по вечерам Илья Михайлович приглашал меня к себе. Мы пили чай, подолгу беседовали. Очень хорошо помню его небольшой коттедж, скромную обстановку. В то время я очень увлекался толстовством - верил в идеи добра, служения людям, что рано или поздно человечество придет к миру и гармонии. Помню, как-то раз за чаем, за философскими рассуждениями, Илья Михайлович, по добромудрому улыбнувшись в ответ на мое возбужденное выступление, что все переменится - люди станут чище, мир добрее, - заметил: "Ничего не изменится. Миша, голубчик, все как было, так и останется". Дубна был чудесным городом физиков. Я подолгу бродил вечерами, любовался чудесными закатами над Волгой. И я на всю жизнь запомнил маленький коттедж, мягкого добродушного Илью Михайловича, кормящего пушистых кошек в своем саду. Да-да, именно кошек. Он обожал их, и, кажется, все бездомные кошки со всех окрестностей собирались у его кормушки. Думаю, их приходило не меньше сотни! Кстати, в гостинице, где я жил, встретился с поэтом Андреем Вознесенским. Это была не первая наша встреча - я познакомился с ним, когда еще был студентом. Помню, во время его концерта в Театральном институте на Моховой я попросил у него автограф. И он написал в книжке, узнав, что я художник, следующие слова: "Жаль, что я бросил живопись. Ну уж вы жмите. Андрей Вознесенский. Ленинград. XX век". Как-то раз я что-то забыл в гостинице и вернулся, он сказал мне: "Не забудь посмотреть в зеркало". С тех пор,

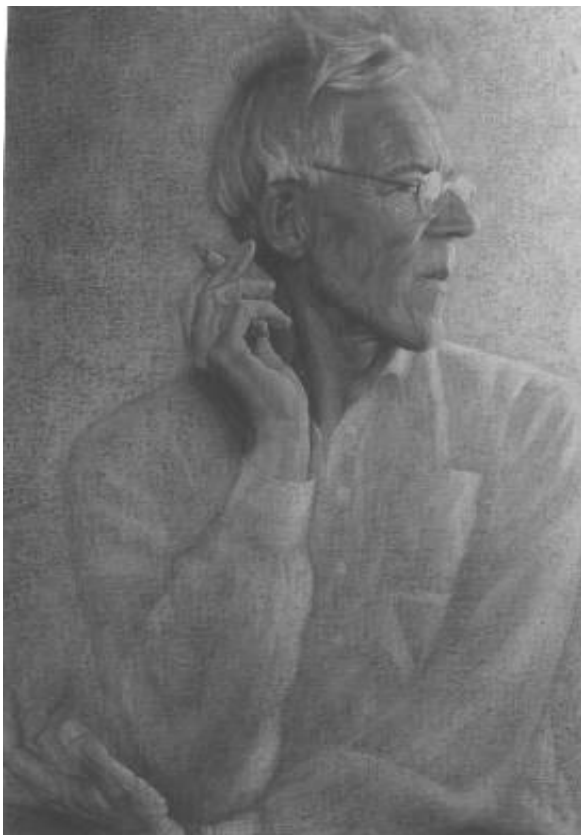
вспоминая эту приметку, всегда вспоминаю Вознесенского. Портрет был закончен. Илье Михайловичу он понравился. Но вешать его на стену, он не захотел: почему-то считал, что это неудобно делать при жизни. Позднее, по просьбе сына академика, Саши, я сделал еще одну работу, которую про себя назвал "Три Франка". Они были удивительно похожи - Илья Михайлович, его сын и его внук. Не знаю, пошел ли по стопам деда внук, он уже тогда был очень способным юношей, а вот сын был тоже физиком. Писал я в мягкой манере, с удовольствием. Портрет остался в семье. Но после завершения работы я вдруг почувствовал, что из него что-то ушло. И я им был не так доволен, как тем, где изобразил Илью Михайловича одного. И это был мой третий портрет Нобелевского лауреата...

Официальная справка

Франк Илья Михайлович (1908-1990) - физик, академик АН СССР с 1968 года. Нобелевская премия в 1958 году совместно с И. Е. Таммом и П. А. Черенковым. Лауреат Государственных премий (1946, 1954, 1971). Теоретические и экспериментальные труды по физике нейтронов. Под руководством Франка создан импульсный реактор на быстрых нейтронах.

Леонтович, Ландау, Лифшиц, Арцимович

В 1980 году по просьбе физиков Института атомной энергии им. И. В. Курчатова я приступил к работе над портретом академика Михаила Александровича Леонтовича. Наша первая встреча произошла, как я сейчас вспоминаю, в коридоре института. Я стоял рядом с его сыном Сашей. И вдруг из глубины показалась группа, в которой сразу выделялся очень высокий, худой, жилистый человек.

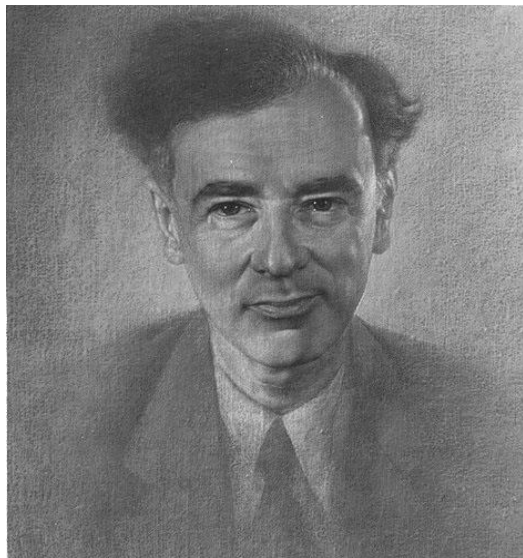

Он стремительно шел, был как бы отрешен от всего, чувствовалось, чем-то озабочен. Внешним видом он напомнил мне Дон-Кихота. Когда они поравнялись с нами, Александр, немного запинаясь, словно побаиваясь, сказал: "Папа, это художник, который хочет написать твой портрет". Какое-то мгновение Леонтович-старший сурово на меня смотрел сверху вниз, затем бросил: "Ну и что?" - и пошел дальше. Позднее я конечно понял, что Михаил Александрович вовсе не собирался меня обидеть. Он был настолько поглощен своим делом, наукой, что все остальное было для него неважно. Стремительный, как-то странно жестикулирующий, с всклокоченными волосами, он пронесся по институту с потрясающей скоростью. Помимо руководства институтом, он еще возглавлял редакцию физического журнала, редколлегия которого находилась в институте С. И. Вавилова. Его день был расписан буквально по минутам. Несколько раз я имел возможность наблюдать за ним на заседаниях.

У него была очень своеобразная манера говорить, удивительная пластика рук. И еще в руках у него постоянно была сигарета. Вот таким - отрешенным, о чем-то задумавшимся, с сигаретой в руках, я его и изобразил. И не думал я, что жить Михаилу Алексеевичу оставалось совсем немного. Я выставил этот портрет на Малой Грузинской, где

выставлялись работы авангардистов. А незадолго до открытия Леонтович умер. Помню, как Саша пришел на вернисаж. Он все ходил взад и вперед, подходил и отходил от портрета отца, и в глазах его стояли слезы. К моему большому удивлению, мой портрет - а написан он был в реалистичной манере - понравился художникам различных направлений. Мне было отраднo узнать, что он понравился Евгению Евтушенко. Помню, я отлучился ненадолго с выставки. Оказывается, Евтушенко меня ждал, хотел поговорить. Он оставил очень теплую запись, сейчас я ее не помню дословно, запомнил только, что образ Леонтовича очень ему напомнил героев Андерсена. Именно около этого портрета у меня произошла встреча с супружеской парой Штейнбергов, Годдой Георгиевной и Евгением Абрамовичем. Большие поклонники

Майи Плисецкой, они подошли ко мне со словами: "А мы нашли художника для Майи". Но об этом чуть позднее. Портрет Леонтовича повесили в библиотеке института имени Курчатова. С тех пор прошло столько лет! И только сейчас я вдруг понял, что так и не узнал у Саши Леонтовича, видел ли отец мой портрет и понравился ли он ему.

Помню, что первыми, кому я принес портрет Леонтовича, были супруги Лифшиц. Они так тепло его приняли, сказали столько лестных слов - как будто открыли мне зеленую улицу. Академик Евгений Михайлович Лифшиц жил в здании на территории института, в котором долгие годы жили многие выдающиеся физики. Лифшиц и его жена Зинаида Ивановна как-то расположились ко мне. Я очень часто у них бывал. Они рассказывали мне об ученых, вспоминали тех, с кем работали, кто стоял у истоков ядерной физики. По их просьбе я написал портрет Льва Давидовича Ландау, с которым Лифшиц работал долгие годы. Я писал его по фотографиям и воспоминаниям Евгения Михайловича, близких и знакомых Ландау. Лев Давидович был выдающимся физиком, по его курсу теоретической физики училось не одно поколение. Лауреат многих премий, он получил в 1962 году Нобелевскую премию. Таким образом, у меня был написан четвертый нобелевский лауреат. К сожалению, Евгений

Михайлович Лифшиц вскоре умер, и Зинаида Ивановна заказала мне его портрет. Оба портрета находятся в Москве в семье Лифшиц. В то же время по просьбе вдовы академика Льва Андреевича Арцимовича я написал его портрет, тоже по фотографиям и воспоминаниям.

Этот портрет повесили рядом с портретом Леонтовича. Они как бы смотрят друг на друга.

Официальная справка

Леонтович Михаил Александрович (1903-1981) - физик-теоретик, основатель научной школы по радиофизике и физике плазмы, академик АН СССР с 1946 г. Труды по статистической физике, распространению радиоволн, теории антенн. С 1951 года руководил теоретическими исследованиями по физике плазмы и проблеме управляемого термоядерного синтеза. Ленинская премия (1958).

Ландау Лев Давидович (1908-1968) - физик-теоретик, основатель научной школы, академик АН СССР с 1946 г., Герой Соц. Труда с 1954 г. Труды по магнетизму, сверхтекучести, сверхпроводимости, физике твердого тела, атомного ядра, квантовой электродинамике. Ленинская премия (1962), Государственные премии (1946, 1949, 1953). Нобелевская премия (1962). Автор (совм. с Е. М. Лифшицем) классического курса теоретической физики (1962).

Лифшиц Евгений Михайлович (1915-1985) - физик-теоретик, академик АН СССР с 1979 г. Труды по ферромагнетизму, межмолекулярным взаимодействиям, релятивистской космологии. Ленинская премия (1962), Государственная премия (1954). Автор (совм. с Л. Д. Ландау) классического курса теоретической физики (1962).

Арцимович Лев Андреевич (1909-1973) - физик, академик АН СССР с 1953 г., Герой Соц. Труда (1969). Труды по атомной и ядерной физике. Руководил исследованиями по физике высокотемпературной плазмы, под его руководством впервые получена термоядерная реакция. Участник Пагуошского движения. Ленинская премия (1958), Государственные премии (1953, 1971).

Прохоров

В 1985 году я написал портрет еще одного лауреата Нобелевской премии по физике - Александра Михайловича Прохорова - к его 70-летию по просьбе сотрудников физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР. Возглавлял институт в те времена Николай Геннадьевич Басов. Блестящий ученый, генератор идей, Прохоров часто спорил с Басовым, как мне рассказывали, был в не очень хороших отношениях с директором. Сотрудники института их даже метко окрестили - Басов и Котрабасов. Тем не менее, несмотря на их противостояние, они добились замечательных открытий в науке, и Нобелевская премия заслуженно была дана им обоим. Они работали в области квантовой электроники и ими впервые в мире был создан квантовый генератор - мазер. Александр Михайлович Прохоров располагал к себе. Его очень любили в институте. Двери его кабинета были открыты для всех. Он никогда не держал дистанцию, был очень демократичен. Я никогда бы не сказал, что это академик. У него была весьма запоминающаяся внешность. Высокий, вытянутое лицо, немного острый нос. Больше всего меня поражали его глаза, они искрились весельем. Он постоянно шутил, у него был тонкий юмор. Мне запомнился его банкет на 70-летие, на который меня любезно пригласили. Тон задавал, конечно, сам юбиляр. Я был просто очарован атмосферой банкета, столько было веселья, смеха, шуток. В общем, лишний раз убедился, что физики не только ученые сухари и их не зря звали когда-то - физики-лирики. Портрет Александра Михайловича был торжественно ему вручен на этом чествовании, и сейчас он находится в семье академика. Я очень сожалению, что у меня не сохранилось фотографии.

Официальная справка

Прохоров Александр Михайлович (род.1916) - один из основоположников квантовой электроники. Академик АН СССР с 1966 г., Герой Соц. Труда (1969). Труды по лазерам и мазерам, нелинейной оптике. Ленинская премия (1959), Государственная премия (1980), Нобелевская премия (1964).

Канторович

В 1987 году я приступил к работе над портретом Леонида Витальевича Канторовича, лауреата Нобелевской премии по экономике, по просьбе его сына Виталия Канторовича. Меня познакомили с Леонидом Витальевичем незадолго до его смерти. Он был тяжело болен, и его привозили домой из больницы на короткое время. Я встречался с ним несколько раз. Наши беседы были непродолжительны, так как он быстро уставал. Его рассказы были очень интересны. Я видел, он понимает, что дни его сочтены, но домашним старался не показывать вида. В свою очередь, его близкие и друзья, как могли, пытались скрасить его последние дни. Как-то раз, придя к ним, я застал несколько его близких друзей. Накрыли на стол. Увы, Леонид Витальевич мало к чему мог притронуться - врачи не разрешали. Из наших бесед и рассказов его коллег, я понял, что у него был очень интересный путь в науке. Блестящий математик, он живо интересовался и общественной жизнью страны. Бесконечные отчеты и решения пленумов и съездов поражали его, как математика, неконкретностью, ничего не говорящими размытыми формулировками и побудили его как-то раз написать письмо лично Н. С. Хрущеву с предложениями по научному анализу и решению экономических проблем народного хозяйства. Канторович стал разрабатывать математические методы для решения экономических задач. Так возникла новая наука - математическая экономика. Вклад Леонида Витальевича в ее развитие был исключительно весом. В 1975 году ему была присуждена Нобелевская премия по экономике. Таким образом, Канторович оказался единственным математиком - лауреатом Нобелевской премии. Дело в том, что Нобелевская премия математикам никогда не вручалась - это было связано с завещанием Нобеля, который был в ссоре с ведущим математиком Швеции Миттаг-Лефлером. Умер Леонид Витальевич Канторович до того, как я закончил его портрет. Он его так и не увидел. Я помню, во время похорон моросил мелкий дождик. На Новодевичьем кладбище была масса людей - весь цвет науки. Произносили последние слова прощания, я видел, что все искренне сожалеют о

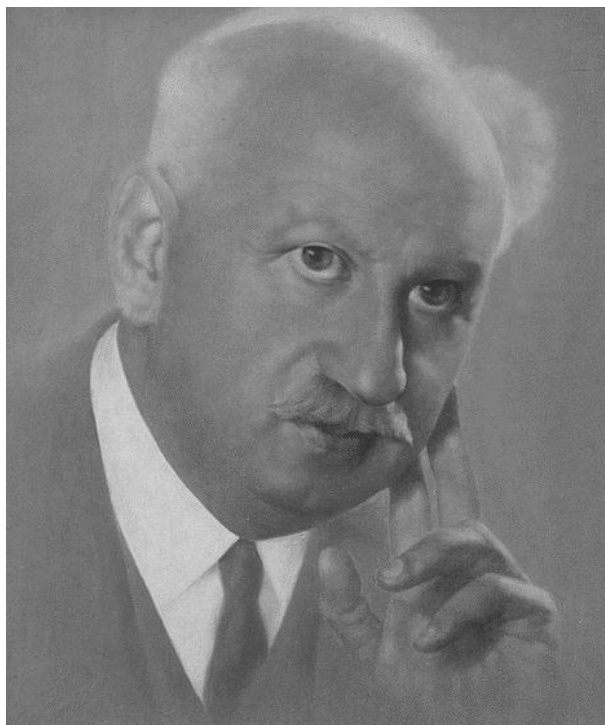
его смерти. Несколько минут в скорбном карауле стоял и я. Этот портрет я написал для семьи. Но через некоторое время ученые Новосибирского Академгородка, где Канторович работал некоторое время, заказали мне еще один портрет. Я написал второй, немного отличающийся от первого, и отправил его в Академгородок.

Официальная справка

Канторович Леонид Витальевич (1912-1987) - математик, академик АН СССР с 1964 г. Основные труды по функциональному анализу, вычислительной математике. Основоположник линейного программирования. Один из создателей теории оптимального планирования и управления. Ленинская премия (1965), Государственная премия (1949), Нобелевская премия по экономике (1975).

Иоффе

Последним из портретов знаменитых физиков, которых мне посчастливилось написать, был портрет академика Абрама Федоровича Иоффе. Его заказали мне физики к 70-летию Ленинградского Физико-технического института (Знаменитый Физтех!), который носил имя А.Ф.Иоффе. Его ласково называли «папа Иоффе», поскольку он считался отцом советской физики.

Портрет пришлось писать по фотографиям, очень быстро - к юбилею. Я специально приехал из Москвы в Ленинград с законченным портретом к торжественному собранию физиков в Физтехе. Помню меня тепло принял директор института Жорес Иванович Алферов, которому в этом году, как я узнал, также была вручена Нобелевская премия. Тогда он был очень веселым, шутил. Даже рассказал парочку острых историй с крепким словом. Потом мы прошли в актовый зал, где мой портрет был тепло принят. Правда, на взгляд многих, уж очень у Иоффе получились пронзительно синие, васильковые глаза. Портрет и сейчас висит в стенах института. Любопытно, месяц назад я смотрел передачу «Итоги» по российскому телевидению. Один из сюжетов был посвящен Жоресу Ивановичу Алферову. Представляют, показывают его кабинет, и я вижу на стене портрет Иоффе, когда-то написанный мной. И стало так приятно на душе.

Официальная справка

Иоффе Абрам Федорович (1880-1960) - физик, основатель Советской физической школы, академик Российской АН (позже АН СССР) с 1920 года. Герой Соц. Труда (1955). Пионер в исследованиях полупроводников. Труды по прочности, пластичности, электропроводности твердого тела. Ленинская премия (1961 г., посмертно), Государственная премия (1942). Организатор и первый директор Физико-технического института, Института полупроводников.

Кикоин

В этот период у меня была еще одна яркая встреча, которая к моему сожалению, так и не завершилась портретом. Судьба свела меня с Исааком Константиновичем Кикоиным. Один раз я приезжал к нему на дачу. В это время вместе со своим братом, тоже известным физиком они работали над курсом учебника по физике для учащихся. Они напряженно работали. Тем не менее, он нашел для меня время, и мы беседовали два с половиной часа. Помню под впечатлением нашей первой беседы я был настолько ошеломлен всем услышанным, что, приехав домой, записал на бумагу его рассказы. Его жизнь была потрясающе интересна. Он стал доктором наук очень молодым - лет в 26-28, точно не помню. В тридцатые годы ему довелось работать с самим Нильсом Бором. Когда он жил и работал в Германии, видел, как начиналась фашистская вакханалия. Он слышал выступления Гитлера на площадях. Долгие годы имя Кикоина было засекречено, к

нему была приставлена охрана. Первый раз я увидел Кикоина на традиционном празднике «Встреча Весны», которые устраивались из года в год в стенах курчатовского института. Тот праздник как раз совпал с моей персональной выставкой в 1981 году. Чего там только не было: парад, танцы, песни, розыгрыши. Физики веселились от души, и Кикоин был вдохновителем этих ежегодных веселых праздников. Уже довольно пожилой, он был очень подвижным, веселым. Я помню, как он разрезал ленточку на скульптуре, покрытой белым покрывалом и стоящей на довольно высоком постаменте. Кикоину пришлось подняться высоко. Когда покрывало упало, взору предстала прекрасная обнаженная маха, окутанная пышным покрывалом рыжих волос - по все видимости это была «Мисс Весна». Я был под сильным впечатлением от его неординарной личности, о его жизни, полной интересных событий и просто мечтал написать его портрет. Но почему-то не получилось...

Официальная справка

Кикоин Исаак Константинович (1908) - физик, Академик АН СССР с 1953 г., Герой Соц. Труда (1951). Труды по атомной физике, технике и по физике твердого тела. Лауреат Ленинской (1959) и шести Государственных премий.

Плисецкая

Портрет Майи Плисецкой. Пожалуй, это самое яркое воспоминание. На осенней выставке на Малой Грузинской в 1980 году ко мне подошли супруги Штейнберг, которые были большими поклонниками Майи Плисецкой, как бы мы сейчас сказали - фанаты. Они не пропускали ни одного спектакля с участием Майи Михайловны. Как-то раз они взяли меня с собой на спектакль, а после него подвели к служебному входу, около которого всегда толпились поклонники. Они познакомили меня с Плисецкой, представили как художника, но позировать Майя Михайловна не могла, поскольку ее время было расписано по минутам. Я задумал изобразить Плисецкую в танце Айседоры в знаменитой постановке Мориса Бежара, посвященной прославленной французской балерине Айседоре Дункан. До сих пор удивляюсь, как это мне удалось.

Портрет, как все утверждают, получился очень динамичным и легким. Майя на нем словно парит. По всей видимости, помогло то, что я посмотрел много спектаклей с ее участием, и вихрь ее головокружительного танца подхватил и меня... Портрет был готов, я позвонил Плисецкой. Майя Михайловна обещала приехать ко мне домой минут на десять. Она задержалась у меня на полтора часа! Помню, как она стремительно вошла в мою мастерскую. Элегантная, красивая, с удивительно светлым лицом, ярким искрящимся взглядом. Я страшно волновался, понравится ли Майе мой портрет. И вот Майя Плисецкая стоит перед портретом. У меня даже перехватило дыхание. Знаменитая Майя у меня дома! Сразу, в первый же миг, портрет ей очень понравился, что было для меня самое главное.

Потом она начала что-то замечать, какие-то детали стали вызывать у нее сомнение. У меня один пальчик немного не вошел в холст. Я ломал перед этим голову, как бы это объяснить. В общем, выкрутился. Сказал: "Майя Михайловна, да вам просто тесно на холсте!" Дальше - больше: и грудь уже не та, и подмышки... А я писал Плисецкую уже в немолодом возрасте - ей было около шестидесяти. Но потом Майя со всем согласилась. Ей понравилась невесомость, пластика. Понравилась тревожная красная полоса в нижней части картины. "А для чего эта красная полоса?" - был ее последний вопрос. Я ответил, что таким образом в виде аллегии стремился передать, что она всю жизнь ходит словно на острие, на лезвии ножа. Она вздохнула, опустила на мой жуткий диван (из него выпирали пружины, и поэтому я набросил на него

какой-то плотный ковер). Она начала рассказывать о тех проблемах в Большом театре, которые ее волновали. Она была откровенна со мной. Чувствовалось, как много у нее наболело. Досталось тогда многим. В тот момент, когда я почувствовал, что ей неудобно сидеть на моем диване, я перебил ее со словами: "Майя Михайловна! Может, вам неудобно?" Ей, видно, не очень понравилось, что ее остановили, и она сказала: "Мне было бы удобно, если бы меня не перебивали", - и продолжила свой рассказ. Так, за разговорами, незаметно пролетели полтора часа. Плисецкая сразу же загорелась идеей, чтобы этот портрет приобрел музей Большого театра. Он ей действительно понравился, но был он довольно больших размеров, чтобы его можно было повесить дома. Спустя несколько дней, по рекомендации Майи приехал директор музея Большого театра. Ему портрет понравился, и он пообещал сделать все возможное для приобретения. Однако у Плисецкой было много недоброжелателей, в первую очередь министр культуры, бывший директор Большого театра. А я был неизвестным художником. Отказать было легко. И как ни пыталась Майя Михайловна ходатайствовать, ничего не получалось. Как-то раз Майя Михайловна позвонила, уточняла его размеры - они тогда построили с Родионом Щедриным новый дом в Прибалтике и, по-видимому, задумали поместить его там. Но портрет не помещался. В 1986 году, кажется, весной, в музее имени Бахрушина в Москве устроили выставку, посвященную юбилею Плисецкой. Мне позвонили и попросили портрет для выставки. Конечно же, я с радостью согласился, и когда пришел на открытие, увидел мой портрет в самом центре, что было очень приятно. Это была необыкновенная выставка. Фотографии из спектаклей, костюмы. Были также работы других художников. Мне очень понравился чудесный акварельный портрет известного художника Фонвизина. На открытие выставки съехалось много друзей Майи, было сказано много теплых слов. Мой портрет был всеми встречен очень благосклонно. Дирекция Бахрушинского музея захотела приобрести его. Но увы, председатель закупочной комиссии теплых чувств к Плисецкой не питала.

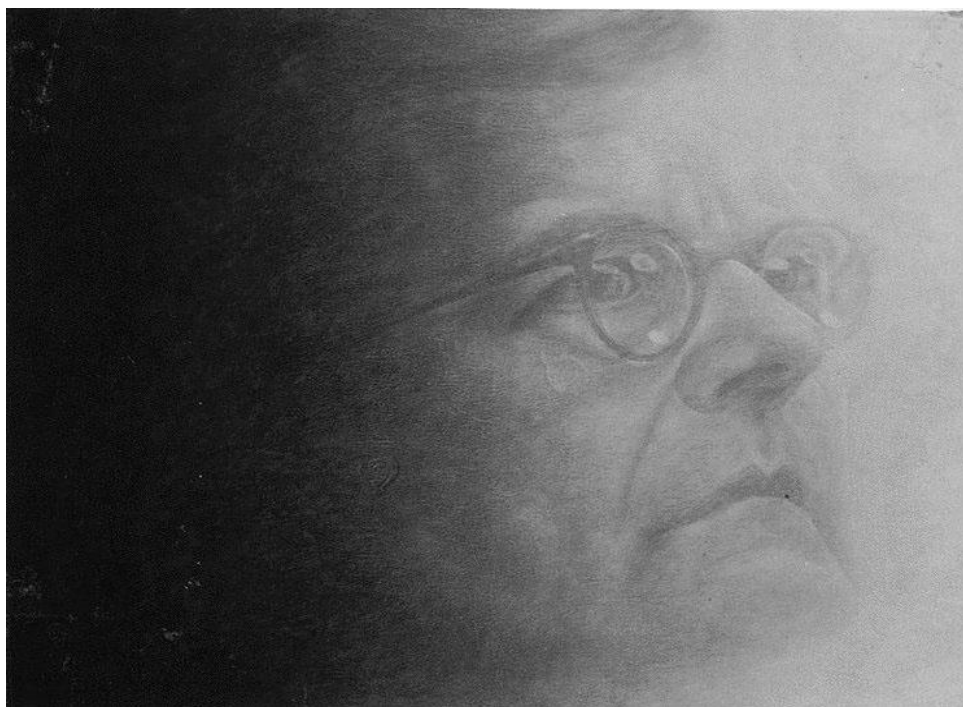
Потом эту выставку перевезли в Ленинград, разместили ее в Летнем саду, в Чайном домике Росси. Я поехал на открытие. И, к моей большой радости, картину приобрел Ленинградский театральный музей. Я был счастлив, и это была единственная моя работа, приобретенная государством. Кстати, это был не единственный мой портрет Майи Плисецкой. К 60-летию юбилею балерины группа поклонников-фанатов специально заказала мне портрет. Это был небольшой холст. Я изобразил Майю Михайловну по пояс, в красном домашнем платье, с распущенными волосами. Писал очень быстро, нужно было успеть к торжественному вечеру. И вот - Большой театр. 20 ноября 1985 года. Поклонников - масса. Какой там лишний билет! Я принес портрет в театр, и Владимир Шахмейстер сразу взял его у меня из рук и высоко поднял над головой. И к нему, как к магниту, обратились взоры многочисленной публики, столпившейся в холле. Кстати, Володя иллюстрировал книгу Плисецкой "Я - Майя Плисецкая". Поклонники хотели вручить портрет прямо на сцене, но было столько официальных выступлений, программа была так насыщена, что его вручили уже после вечера, за кулисами.

Мне было приятно, что какая-то частичка моей души осталась у Плисецкой, ведь я стал ее большим поклонником. К сожалению, тогда в спешке я не сделал даже фотографии этого портрета. И вот 1996 год. Я уже жил в Канаде. Однажды я услышал о Международном фестивале балета, который традиционно каждый год проводится в Монреале, узнал, что на него приехала Майя Плисецкая. Мы встретились буквально на пятнадцать минут. Я подошел к служебному входу. Майя Михайловна, конечно, обрадовалась, для нее это была неожиданность. Да, мы оба изменились, ей было уже семьдесят. Но в тот вечер она еще танцевала "Лебединое озеро"!

Шостакович

Мне всегда нравилась музыка Дмитрия Шостаковича. Как-то, работая в своей мастерской, я услышал по радио квартет Шостаковича. И вдруг я почувствовал, что хочу написать его портрет. Перед глазами возникла горизонтальная композиция. Профиль... Образ, возникающий из тьмы и растворяющийся в свете. Несколько дней я ходил буквально замороженный возникшей в моей голове картиной. Меня познакомили с вдовой Шостаковича Ириной Антоновной, и я стал часто бывать на улице Неждановой, в знаменитом Доме композиторов. Встречали меня очень доброжелательно, показали много интересных фотографий, и я просмотрел даже один редкий документальный фильм о Дмитрии Шостаковиче, где было много

уникальных кадров. И вот, когда портрет был почти готов, Ирина Антоновна приехала вместе с известным режиссером Тенгизом Абуладзе - возможно, они были друзьями - ко мне на Новослободскую.

Портрет им понравился, но по какой-то неизвестной мне причине, она не решилась его приобрести. Но у нее появилось желание, чтобы его приобрел Союз композиторов. В итоге она переговорила с секретарем Тихона Хренникова, который возглавлял тогда Союз композиторов СССР.

Она сказала, что один молодой художник написал недавно хороший портрет Дмитрия Шостаковича. А вот дальше началась довольно некрасивая история, которая оставила горький осадок в моей душе. Отмечался 75-летний юбилей Дмитрия Кабалевского. Хренников согласился, чтобы на праздник в

Доме композиторов принесли мой портрет, где его смогли бы сразу увидеть много людей. И вот идет чествование юбиляра. Я сидел в коридоре, наверное более часа, ждал, пока меня пригласят. Портрет стоял рядом, уже в раме. Волновался, помню, сильно. И вот, наконец, пригласили меня. Я внес портрет - и до сих пор помню единодушную реакцию одобрения в зале. А ведь собрался весь музыкальный цвет, многие лично знали Шостаковича. Меня стали поздравлять. Все протягивали и пожимали руки. Приятно было слышать теплые слова от Яна Френкеля, Александры Пахмутовой, Евгения Светланова и многих-многих других известных композиторов, певцов, музыкантов. Ко мне со словами одобрения подошел и сам юбиляр Дмитрий Дмитриевич Кабалевский. Портрет понравился и Хренникову, он тут же познакомил меня с главой музыкального фонда СССР. Тот дал мне номер телефона, сказал, что обязательно позвонит сам. А дальше, как я понял, начались проверки. Что за художник? С Малой Грузинской, а она - как соринка в глазу. Ведь не так давно отгремели страсти по поводу известной на весь мир "бульдозерной выставки" авангардистов, которая была разогнана. С большой неохотой разрешили художникам-авангардистам открыть свою секцию живописи на Малой Грузинской в доме 28, ставшей, кстати, вскоре очень популярной. На выставки всегда были очереди! В общем, портрет нравился, а вот художник... Неизвестный, не член Союза художников, более того, с Малой Грузинской! Тем не менее, спустя некоторое время мне позвонила секретарь и сказала, что ко мне едут. Мы с женой скорее начали что-то прибирать, переодеваться. И вот звонок в дверь. Входит Хренников, а с ним - он меня познакомил - первый секретарь Союза художников Пономарев. Они приехали прямо с открытия памятника Юрию Гагарину. Пробыли у меня минут двадцать. Портрет, как мне показалось, Пономареву понравился, но сомнения по поводу моей биографии остались. Я уже понял, что вряд ли портрет приобретут, хотя Пономарев и пообещал прислать своего заместителя. Действительно, через неделю приехал его заместитель, академик, художник-график. И опять я услышал, что портрет нравится, но надо подумать. В общем, потом было долгое молчание, и портрет остался у меня. Я переживал. Как-то раз позвонил сыну композитора Максиму Шостаковичу, с которым до этого разговаривал несколько раз по телефону. Но он был уже озабочен своим отъездом за границу... Приезжала как-то раз дочь Галина. Она жила скромно и тоже не могла приобрести портрет. В конце концов, его приобрели вместе с портретом Сахарова для галереи в Нью-Йорке, и его дальнейшую судьбу я не знаю.

Роднина

В 1980 году в Москве проходили XX летние Олимпийские игры. Москву тогда было не узнать. Город похорошел, было построено много замечательных олимпийских сооружений. Мне надолго запомнилось торжественное открытие Олимпиады - яркое, красочное зрелище. Все, конечно, отмечали это спортивное мероприятие, как могли. Не остались в стороне и художники. На Малой Грузинской к Олимпиаде была устроена выставка, посвященная спортсменам. Я выставил на ней портрет, который назывался "Олимпийская Мадонна". Зимняя Олимпиада состоялась в тот год в Соединенных Штатах, в Лэйк-Плэсиде. На ней наша замечательная фигуристка Ирина Роднина стала трехкратной олимпийской чемпионкой.

Это была для нее последняя Олимпиада, и весь мир помнит ее удивительные глаза, полные слез во время торжественного гимна, когда ей вручалась олимпийская награда. Я часами проводил время у телевизора, мы все болели за Ирочку. Работа же над портретом началась раньше. Я был знаком с Александром Иваницким, трехкратным олимпийским чемпионом по классической борьбе. В то время он возглавлял Спорткомитет СССР. Как-то раз он был у меня дома, в моей мастерской. Ему понравились мои картины, и у нас сложились теплые дружеские отношения. К Олимпийским играм специально для выставки я задумал написать кого-нибудь из выдающихся спортсменов. И я решил написать портрет Ирины Родниной. В то время она была очень знаменитой и всеми любимой спортсменкой. Я обратился к Саше Иваницкому с просьбой представить меня Ирине и сказать о моем желании написать ее портрет. И вот Ирина пригласила меня на тренировку. Я помню первое впечатление. Когда она подошла ко мне в холле спорткомплекса, то показалась очень маленькой. Но когда протянула руку, я почувствовал крепкое рукопожатие. Тут же подошел Саша Зайцев, и тоже обычного роста.

На экране, стремительно несущиеся по голубому льду, они всегда мне казались такими огромными, особенно Саша. В общем Ира и Саша пригласили меня на арену. Уже по одной только этой тренировке я увидел сколько сил уходило у ребят. Они тренировались очень активно. Это были последние дни перед отъездом на Олимпиаду. Их тренером была тогда Татьяна Тарасова. Я помню все эти сцены. Конечно, ведущей в этом дуэте была Ира. Она часто покрикивала, сердилась, когда что-то не получалось. А потом я приехал к ним домой, чтобы сделать серию фотографий. Там я и увидел их сына - маленького Сашу, которого они звали Сан-Саньч. И у меня сразу же возникла идея нарисовать Ирину с сыном. Мне вообще очень близка эта тема "Материнство". Мать и дитя. У меня немало полотен на эту тему. Портрет получился очень теплым, добрым. Я писал этот портрет, а ребята в это время выступали на Олимпиаде в Америке. Когда они приехали после успешного выступления ко мне домой - Ирина стала уже трехкратной Олимпийской чемпионкой, а Саша двукратным Олимпийским чемпионом - и увидели портрет, он им очень понравился. Но я попросил портрет на время оставить, так как собирался выставить его на Малой Грузинской на выставке, посвященной олимпийцам.

Якушев

И еще один олимпийский чемпион позировал мне для картины. Это Александр Якушев. Он был прославленным спортсменом, хоккеистом московской команды "Спартак". Была такая знаменитая тройка Зимин-Шадрин-Якушев. Она на протяжении многих лет входила и в состав сборной страны. Этот хоккеист произвел в Канаде во время матчей советской сборной в 1972 году огромное впечатление, может быть даже большее, чем Харламов и Мальцев. Помимо виртуозной техники, у Саши была очень внушительная

внешность. Опытные канадские защитники не могли с ним справиться. Он как бы олицетворял для канадцев типичного хоккеиста - рослого, сильного мужественного и жесткого. К тому же, он был очень привлекательный. И, конечно же, титулы Саши были очень впечатляющи - многократный чемпион мира, Олимпийских игр. И вот я задумал картину, которую для себя давно называл "Из тьмы к свету". Эта тема мне бесконечно дорога. Я пытался раскрыть ее в портрете Шостаковича, Сахарова.

А здесь я задумал следующую композицию: две обнаженные фигуры - мужская и женская. Они пришли из тьмы, и они тянутся к свету и растворяются в свете. По замыслу, это должны были быть не совсем молодые люди, уже что-то пережившие, познавшие в жизни. Назвал я картину "... и вечно". Я задумал отобразить эту композицию на большом вертикальном холсте. Но мне нужны были натурщики. Женскую натуру я нашел довольно быстро. А вот мужскую никак не мог найти. И тут мне опять пришел на помощь Саша Иваницкий. Он повез меня с собой на хоккейный матч, где можно было отыскать таких богатырей. И сразу указал на Александра Якушева. Я стал наблюдать Сашу во время игры, и мне он очень понравился. Правда, я сомневался, чтобы такой титулованный спортсмен согласился позировать для моей картины. Иваницкий познакомил нас и попросил Сашу мне помочь. И, к моему удивлению, Саша сразу же согласился. Он оказался очень простым, незаносчивым парнем. Приезжал он ко мне раз пять. Позировал почти обнаженным. У него было красивое одухотворенное лицо, очень впечатляющая мужская фигура. Однажды произошел маленький курьез. Саша стоял на двух маленьких журнальных столиках, которые оказались для его могучего сложения довольно шаткими. Как-то раз столики резко наклонились один к другому - и Саша оказался на полу. Спасла его отменная реакция. Помню, он пробормотал: "Не хватало только еще получить травму не на поле, а в мастерской художника".

Мне было жутко неудобно перед ним. Хорошо, что все обошлось. Потом Саша приглашал меня на несколько хоккейных матчей. Правда болельщик так из меня не вышел. И еще одна интересная деталь - та женщина, что позировала мне для картины, была по фамилии Якушевская. Какие же иногда бывают в жизни удивительные истории...

Простые незатейливые рассказы Михаила Шапиро принесли мне большое удовольствие. Слушая его воспоминания, я словно переживала вместе с ним те прекрасные моменты его жизни, его творчества, словно встретила лично с теми знаменитыми людьми, которых он отобразил на своих полотнах. Жаль, что неизвестна судьба портрета Сахарова, что в архиве художника нет всех фотографий его работ.

Низкий поклон вам, мастер. Больших творческих успехов!

Ирина ЛАПИНА

2000 г.